

Н.Л.Васильев

ЧТО БЫЛО, ТО БЫЛО

Книга, о которой пойдет речь, своеобразна и необычна. Известный литературовед, исследователь русской классики харьковчанин Л.Г.Фризман, проживающий ныне за пределами страны, изучению письменной культуры которой он посвятил несколько десятилетий, написал воспоминания о своем пути в науке, коллегам, соприкасавшихся с ним на литературном и журналистском поприще, а в каком-то смысле – мемуар об истории отечественного литературоведения, его персоналиях, идеологических нюансах минувшей эпохи.

Обращение зрелого человека к воспоминаниям не новость, а скорее потребность в диалоге со временем и нравственный императив гражданина, ученого, писателя... Уникальность же этой книги в ее экстравагантной жанровой новизне. С одной стороны, автор рассказывает о себе – и в этом смысле перед нами автобиография; с другой, он выступает не столько в роли мемуариста, сколько в амплуа филолога, публикатора и комментатора архивных материалов, чем, собственно говоря, немало и занимался сам ученый... Итак, перед нами научная биография, написанная в форме публикации писем, адресованных автору по поводу его работ. Л.Г.Фризман трансформировал излюбленный им литературоведческий жанр, его специфические приемы и технологию, в историко-филологический экскурс, или дискурс...

Впечатляет уже «Указатель авторов писем», в котором мы находим имена С.С.Аверинцева, М.П.Алексеева, В.Г.Базанова, Н.Ф.Бельчикова, П.Н.Беркова, Д.Д.Благого, Б.Я.Бухштаба, В.Э.Вацура, М.Л.Гаспарова, Л.Я.Гинзбург, А.Л.Гришунина, Б.Ф.Егорова, Ю.Д.Левина, Д.С.Лихачева, Ю.М.Лотмана, В.А.Мануйлова, С.И.Машинского, Б.С.Мейлаха, Ю.Г.Оксмана, Н.К.Пиксанова, С.А.Рейсера, Н.Н.Скатова, А.Н.Соколова, Н.Л.Степанова, Г.М.Фридлендера, Г.Хетсо и других известных ученых.

Начинается книга с того, что на рубеже 1940 – 50-х гг. школьник Леня Фризман отправил в «Литературную газету» и «Новый мир» письма с идеей издания в СССР литературного журнала для детей и юношества и получил на них ответы редакций. А заканчивается письмами 2000-х гг., в которых друзья и коллеги поздравляют Л.Г.Фризмана с его новыми трудами. Таким образом, хронотоп эпистолярной биографии ученого составляет почти шесть десятилетий, хотя и реализуется в основном в локусе Харькова, в классическом единстве времени, места и действия.

Эпистолярные фрагменты сопровождаются биографическими ремарками, создавая причудливый ритм повествования, интригующие сюжетные узоры, отражая разные грани «образа автора».

Так, Л.Г.Фризман рассказывает о своих учителях, взрослении как ученого и журналиста, например: «Мне кажется, что в ранней юности во мне было

заложено одно качество, определившее впоследствии весь путь моего духовного развития – последовательный и принципиальный нонконформизм. Здесь были корни моего будущего сотрудничества в "Новом мире" Твардовского и моей деятельности после 1991 г., когда ее неотъемлемой частью стала политическая публицистика с ярко выраженной оппозиционной направленностью»; «...еще в юношеском возрасте получил хорошее политическое воспитание. Прежде всего я обязан этим моему отцу Генриху Венециановичу Фризману, историку-медиевисту, разносторонне образованному и независимо мыслящему человеку...»; «Другим источником оказавшим значительное влияние на формирование моих взглядов, были передачи Би-би-си. <...> помню, что в декабре 1949 г., когда отмечалось семидесятилетие Сталина (мне было тогда 14 лет), я уже привычно корректировал официальную информацию комментариями, поступающими из Лондона. Бессменный "наблюдатель" Би-би-си Анатолий Максимович Гольберг словно входил в нашу комнату и, несомненно, принадлежал к числу моих идейных наставников» (1. с. 5 – 6).

Мемуарист анализирует и причины, по которым обращался к той или иной научной теме, иногда весьма необычные, вспоминает о людях, поддержавших его как начинающего ученого: «В 1953 г. я поступил на филологический факультет Харьковского педагогического института. Уже на первом курсе я определил тему своей научной работы – "Проблема народа в творчестве Маяковского"», «Мне тогда казалось, что, расписывая решающую роль народных масс, можно каким-то краем-боком приблизиться к критике культа личности» (1. с. 5 – 7); «Баратынским я занимался намного серьезнее, чем Маяковским: составил детальную библиографию, обследовал имеющиеся издания, уже в 1958 г. начал работу в архивах. Понятно, что дорога вела меня в Мураново, к Кириллу Васильевичу Пигареву <...>. Он был первым, кто меня пригласил и поддержал мои планы. И чем больше он убеждался в серьезности моих намерений, тем лучше становилось его отношение ко мне», «Сегодня я не без удивления вспоминаю о том, как устанавливались мои первые научные контакты. У меня не было ни рекомендательных писем, ни знакомых за пределами Харькова. Я звонил совершенно посторонним людям, известным мне только по работам, и говорил: я учитель вечерней школы, пытаюсь заниматься научной работой, не можете ли уделить мне время для беседы. И ни от кого не получал отказа. Именно так, "с улицы" я попал в "Вопросы литературы". Послал в редакцию рецензию на книжку о Баратынском, и она была напечатана. За ней последовала вторая, третья» (1. с. 9 – 10).

Не избегает автор и деликатных вопросов нашей истории: «В аспирантуру я не попал – это было тогда на Украине для еврея совершенно невозможно. В России – в Курсе или в Рязани – это было сколько-нибудь осуществимо, а где-нибудь в Сибири даже не особенно трудно. <...> Не взяли меня позднее и в докторантуру. Так что обе диссертации мне пришлось писать и защищать без всякой поддержки горячо любимого советского государства»;

«Не имея научного руководителя, я имел нечто, как я теперь считаю, намного более важное и ценное – я имел круг научного общения» (с. 7). К слову, рецензент тоже в свое время пострадал из-за пресловутого «национального вопроса»: на пути в аспирантуру при Мордовском университете препятствием оказался более старший конкурент (комсомольский вожак и партиец), позиционировавший себя, русского, по тактическим соображениям, в качестве представителя мордовского этноса, вследствие чего меня, уже сдавшего вступительные экзамены, несмотря на негодование научного руководителя, «дезауировали» из числа аспирантов, что, согласно т. н. распределению, влекло за собой трехгодичную ссылку в отдаленный район автономной республики в скромной роли учителя сельской школы, хотя в конечном счете этого удалось избежать. О докторантуре же я не помышлял, чтобы не привлечь внимание коллег к моим научным планам...

Л.Г.Фризман рисует портреты многих литературоведов, встречавшихся на его пути, в той или иной форме поддержавших его исследования, цитирует (без купюр!) и комментирует, по мере необходимости, их письма, например: «Вацуро был первым человеком, которого я увидел в Пушкинском доме. Он выглядел необыкновенно юным, разумеется, без бороды, которая позднее стала неотъемлемым элементом его внешнего облика. Нам обоим было тогда 27 лет»; «Неизгладимый след в моей памяти оставило в тот день общение с Николаем Васильевичем Измайловым. В своем выступлении он говорил о вариативности прочтения пушкинских рукописей, на которые я ссылался (речь идет о докладе «Пушкин и польское восстание 1830 – 1831 гг.». – Н.В.), а когда заседание закончилось, пригласил меня для беседы наедине, и именно во время этой беседы мне и открылось обаяние этой изумительной личности»; «Б.С.Мейлах пригласил меня на Пушкинскую конференцию, которая состоялась в 1965 г. в г. Пскове. За минувшие с тех пор четыре с половиной десятилетия мне довелось участвовать в множестве конференций, но ни одна из них даже отдаленно не может сравниться по воздействию на мою последующую жизнь с той, псковской. Там я познакомился и сблизился с многими людьми, которые вскоре стали моими друзьями, многолетними, надежными спутниками, помогавшими мне во всех делах. Это тогдашний заведующий кафедрой русской литературы Псковского педагогического института Евгений Александрович Маймин. <...>. Это Лидия Яковлевна Гинзбург <...>. Каждый раз, когда я приезжал в Ленинград, я звонил ей, договариваясь о встрече, и она вела со мной очень доверительные беседы о литературе и не только.<...> Это Георгий Михайлович Фридендер, с которым мы <...> гуляли не только по Пскову, но и по ближайшему лесу. Он незадолго перед этим женился, воодушевленно, с юношеской влюбленностью, говорил о своей молодой жене Нине Николаевне Петруниной <...>. Это Николай Леонидович Степанов <...> Я очень привязался к Степанову, в каждую свою поездку в Москву приезжал к нему на дачу, в Переделкино. Его отношение ко мне иначе как отеческим не назовешь <...> Это Юрий Михайлович Лотман и Зара Григорьевна Минц. <...> Только

благодаря этой встрече я смог позднее обратиться к ним с просьбой о сдаче в Тарту кандидатского экзамена по специальности, без чего была бы невозможна моя защита. Вторично я приезжал туда для работы над фондом Бенкендорфов, находившимся в Государственном историческом архиве Эстонской ССР. В оба приезда проводил вечера в их гостеприимном доме за разговорами о жизни и литературе. Запомнилась такая деталь. Когда я рассказал ему, что в составленный мной "Словарь Баратынского" не включены служебные слова, Лотман заметил, что они иногда бывают важнее смысловых, и привел в подтверждение цитату из "Скупого рыцаря": "Твой старичок торгует ядом. – И ядом"» и т. д. (1. с. 14 – 17).

Книга привлекает и как ценнейший документ эпистолярного рода, отражающий научное мышление, письменную речь, личностную культуру многих – умерших либо здравствующих – литературоведов, писателей. В одних случаях это простая вежливость адресатов, граничащая порой с отпиской; в других – высочайший профессионализм, аристократизм мысли, внутренняя самодисциплина и ответственность за свое слово. Приведем примеры второго рода, сокращая самую интересную – критическую – часть писем: «Дорогой Леонид Генрихович! Странно посылать благодарность за подарок через полгода – страшно и невежливо. <...> Не будучи специалистом по Баратынскому, я не могу судить о Вашей книге достаточно профессионально, и мои впечатления – лишь впечатления читателя – скажем так – средней квалификации. <...> Письмо имеет свои границы, свои жанровые и всякие другие пределы; в нем всего не скажешь, и для обсуждения оно мало подходит. Кое-что мне показалось спорным или недостаточно развернутым. <...> Позвольте еще раз поблагодарить Вас и поздравить Вас с выходом в свет хорошей книжки. Ваш В.Вацуро» (20 ноября 1966 г.); «Дорогой и глубокоуважаемый Леонид Генрихович, большое спасибо за добрый подарок; в моей односторонней библиотеке до сих пор не было критик Марлинского, которые я, конечно, очень люблю, а многого, напечатанного в этом привлекательном томе, я, к стыду моему, и совсем не читал. А мне Вас отблагодарить и нечем; с некоторой робостью посылаю этот пестрый и вряд ли интересный сборник <...>. Можно ли сделать несколько замечаний к Вашим примечаниям в присланной книге. (Не из злонравия, поверьте, а единственно, чтобы уверить Вас, что я ее читал с вниманием: к тому же, я не сомневаюсь, что это не последнее из подобных изданий с Вашим участием, и потому, может быть, ими еще можно будет воспользоваться). <...> Повторяю, что пишу это в двух уверенностях: во-первых, что никакой другой Ваш критик, добрый или недобрый, ничего этого не заметит; и во-вторых, что Вы по доброму ко мне отношению на меня не обидитесь. Позвольте надеяться, что я не обманываюсь! Искренне Ваш М.Гаспаров» (5 мая 1978).

Еще одна особенность книги в ее лиричности, что тоже обусловлено исследовательскими интересами ученого, его литературными пристрастиями. Об этом говорит уже название книги, которую трудно причислить к скучным

литературоведческим монографиям. Помимо этого в ней присутствуют остроумные стихотворные пассажи автора и его коллег, написанные по разным поводам, например «В кабинетах ВАКа / Шелестят листы. / Подожди немного, / Защитишь и ты» (1. с. 210).

Как и положено в добротных научных трудах, книга дополнена редкими иконографическими материалами – фотографиями автора, его родных, коллег, инскриптами, оставленными на присланных ему работах, что усиливает доминанту теплых тонов в ее содержании и придает ей дополнительную документальную ценность.

В некотором смысле это книга о должном поведении ученого, деонтологии научного труда, в чем-то мелочно-скрупулезного, а в каких-то проявлениях почти авантюрного и опозтезированного. В ней можно найти и комплиментарные, и нелицеприятные оценки, поскольку составитель «романа в письмах» не редактировал прошлое, а стремился к публикаторской точности, уважая не только «чужое слово», но и, как текстолог, чужие ошибки, включая грамматические, не поправляя, не прихорашивая и самого себя. В эпилоге Л.Г.Фризман пишет: «Это моя жизнь. Другой не было».

У рецензента, человека другого поколения, книга вызвала прежде всего чувство искренней благодарности за подробный рассказ ученого о своем научном становлении, русской литературе, ее исследователях, некоторых сторонах истории филологии, бережное сохранение в домашнем архиве чужих писем, которые помимо основной цели автора помогают уточнить биографии других литературоведов XX в.

Литература

1. Фризман Л.Г. Это было жизнь тому назад... Над страницами полученных писем. Харьков: Новое слово, 2008. – 340 с.